Впрочем, так было не всегда. В 1927 г. вышла в свет работа Г. О. Винокура «Биография и культура». Она не повторяла концепций дореволюционной «биографической школы», а была живым, новаторским трудом. «В биографии... внешнее,— подчеркивал автор,— только *знак* внутреннего и вся биография вообще — только *внешнее выражение внутреннего*» [2, с. 26].

Г. О. Винокур полагает, что наряду с искусством, наукой, политикой и прочими формами нашей культурной жизни существует, очевидно, в структуре духа некая особая область, как бы ограниченная специфическая сфера творчества, содержание которой составляет не что иное, как личная жизнь человека [2, с. 8, 9]. Автор книги отмечает недостаточность любых подходов к биографии писателя, которые будут навязываться ей «сверху», а не вытекать из собственной природы ее предмета. Не над предметом должны мы парить, а в нем самом отыскивать основания для его объяснения... «То, что здесь прозревается, есть в конце концов не что иное, как судьба... Судьба поэта, уже по одному тому, что он *поэт*,— есть судьба совсем особая...» [2, с. 60, 61, 70].

Все эти и другие мысли, высказанные еще в 20-е гг. Г. О. Винокуром, продвигают нас вперед по сравнению с традиционным биографическим методом. Очевидно, что сегодня филология должна активно осваивать научные открытия в области психологии (в том числе и психоанализ З. Фрейда, О. Ранка, К. Юнга, который долгие годы был у нас под запретом), философии, включая различные течения экзистенциализма, генетики, в том числе «генной инженерии», и многое другое, без чего понять прямые и обратные связи, существующие между личностью писателя и его творчеством, попросту невозможно.

Знаменательно в этом смысле появление работы В. И. Батова «Другому как понять тебя?» [3]. В предисловии автор подчеркивает: «Тема ее — в недавнем прошлом табу — текст как источник информации о психологических особенностях автора. Осмелимся утверждать: в отечественной научно-популярной литературе работ по этой теме еще не было. Да и не могло быть: ведь совсем недавно не поощрялся „экскурс“ читателя в психологию маститых авторов и не только их. Желание „понять другого“ было под запретом» [3, с. 2].

В самом деле, многие ли из наших школьников и даже студентов-филологов знают о том, что молодой Горький пытался покончить жизнь самоубийством, а тем более осведомлены или хотя бы слышали о содержании его предсмертной записки? А ведь в ней, помимо всего прочего, отразились и особенности нравственного облика будущего писателя. Между тем этот и другие факты, проясняя истоки некоторых мотивов в творчестве М. Горького, помогают глубже понять его отношение к жизни, людям, миру в целом.

Можно ли что-либо понять в жизненной, а следовательно, и творческой судьбе столь разных гениев, как, скажем, Гоголь, Чайковский, Врубель, не попытавшись прикоснуться к тайне их неповторимого душевного склада, к «экзистенциальным» основам их психики? Или, к примеру, осмыслить различие между художественным временем в творчестве Л. Толстого и Ф. Достоевского вообще и их персонажей в частности, не принимая во внимание человеческой, а не только творческой индивидуальности, с ней, конечно, непосредственно связанной. А разве «угрюмство» Блока в жизни и творчестве можно объяснить сколько-нибудь полно, обходя вопрос об особенностях духовного облика и психического склада его родителей? А ведь на протяжении нескольких десятилетий выдвижение подобных вопросов в нашей науке, мягко говоря, не поощрялось.

Между тем сегодня многим становится ясно, что личность (а художник не только пророк, проповедник, творец, но и человек, как все смертные) нельзя понять и оценить, ориентируясь только на социальное, национальное, бытовое и т. д. (хотя они непременно должны учитываться!), что в ней следует различать также «экзистенциальное» начало. Применительно к Маяковскому вопрос этот у нас[2] почти

[2] Вопрос об освещении этой проблемы в трудах зарубежных авторов, которые в 70-е гг. оценивались в нашем литературоведении, включая и мои работы, односторонне, требует специального развернутого рассмотрения.